

В глубине двора дул прохладный ветер. Сладкий аромат цветов османтуса наполнял пространство, в то время как Фан Хуа стоял под деревом. Теплый, приятный солнечный свет сиял на листьях, смешиваясь с рисунком тени и заставляя его казаться излучающим свет. Он был одет в черную мантию, а его волосы, похожие на черный нефрит, рассыпались по плечам. Пальцы, выглядывающие из его рукавов, были похожи на белый нефрит, когда он элегантно держал кисть.

Где бы я ни видела этого человека, он всегда был так прекрасен, словно бы сошел с картины.

Я схватила комплект мантий из комнат и подошла, чтобы накинуть их ему на плечи, нахмурилась брови. Лунно-белая одежда легла поверх его тонких черных одежд, заставляя его худое тело слегка задрожать. Он заставил себя сдержать кашель, когда похлопал меня по руке, каждое его движение было пропитано ароматом цветов...

С подозрением я могла только уставиться на него: "Фан Хуа, почему тебе не становится лучше, несмотря на то, что ты принимаешь лекарство?"

Он слегка улыбнулся и отвернулся, ничего не ответив.

На бамбуковом столе лежали бесчисленные стопки высококачественной бумаги, а также чернила и кисти. Оглянувшись, я фыркнула: "Каждый день я вижу, как ты достаешь бумагу из шкафов. Я никогда не видела, чтобы ты что-нибудь рисовал, какая пустая трата времени".

Его губы изогнулись, когда он вложил кисточку в мои руки: "Ты сделаешь это".

Хорошо, я бы так и сделала. Не то чтобы мне было чего бояться. Закатав рукава, я взяла кисточку в руку и расправила бумагу. Я задавалась вопросом, что мне следует нарисовать?

Он принес миску с лекарством и улыбнулся мне. Прежде чем принять лекарство, он взял цветок османтуса и положил его в рот, как будто ел конфету. Этот парень... кажется, он не любил горькие вещи.

Я усмехнулась про себя.

Заметив мою реакцию, он оглянулся: "Чему ты улыбаешься? Не думай, что в твоей улыбке есть что-то красивое. Нарисуй птицу, и я все равно назову ее попугаем".

Сегодня у него было исключительно хорошее настроение, вплоть до того, что он отпускал шутки, хотя они были не очень смешными. Он опустил голову и тихонько подул на лекарство. Мои зрачки внезапно расширились от одной идеи. Я бы нарисовала человека, которого он хотел видеть больше всего... Хань Цзычуаня. Положив руку на каменный стол, я разгладила бумагу, прежде чем опустить кисть. Как выглядели брови императора...? Они напоминали горы, а его нос был высоким и изящным... Двигаясь вниз, мы наткнулись на его губы, твердые и настойчивые с непоколебимой решимостью. Оглядываясь назад, я понимала, что состояла в близких отношениях с императором, пока мы были вместе, но я чувствовала затруднение, когда намеревалась изобразить его. Хотя он был моим мужем, в последнее время я думала о нем все меньше и меньше... эх, такое чувство, что я никогда не думала о нем специально.

Только случайный взгляд на Фан Хуа напоминал мне, что он был где-то там, далеко во дворце.

Я остановилась, когда поняла, что мои мысли снова блуждают, постукивая кисточкой по лбу. Я приказала себе не терять концентрации, прежде чем окинуть взглядом фигуру на бумаге. Исправив свое отношение, я поправила рукава, как элегантная особа, и возобновила рисование. Как раз в тот момент, когда я приступила к делу, раздался явно хитрый голос.

“Попробуй это для меня”.

К моим губам поднесли чашу с нежной ароматной жидкостью. Я уставилась на картину, умудрившись сделать глоток.

“Как это?”

“Ни жарко, ни холодно” - я бросила быстрый взгляд на него, прежде чем оттолкнуть его в сторону, чтобы продолжить рисовать. Он заслонил миску, как назойливая старуха, и придвинулся ближе, тихо спрашивая: “...я спрашивал тебя о вкусе”.

Я осторожно причмокнула губами. “На самом деле я его не пробовала”.

”Выпей еще глоток“.

”Ох“.

“Не слишком ли холодно, не подогреть ли мне его? Насколько теплым ты бы хотела его видеть?”

“Вкус неплохой”.

“А? Я спрашиваю тебя, если оно слишком холодное, почему ты рассказываешь мне, какое оно на вкус? Если я разогрею его опрометчиво, он потеряет свои целебные свойства...” Его брови сошлись вместе с легким намеком на беспокойство: “Но если я выпью его, пока оно остынет, у меня заболит живот. Мое тело больше не может выносить холод. Помогите мне выпить еще и посмотрите, как долго я должен его нагревать.”

Я проглотила еще один глоток. Было бы неплохо, если бы он немного подогрел его на маленьком огне.

“Действительно. Я не думаю, что нам вообще нужно его разогревать. Попробуй еще глоток.”

Что-то не так...

Я обдумала это, прежде чем зависнуть с кистью в руке.

Эй!

Я говорю... это это лекарство для меня или для него? Я почти допила всю миску. Он отступил с оставшейся половиной миски, не осмеливаясь предпринять что-нибудь еще. Он только покорно сидел на стуле, склонив голову, держа чашу обеими руками и с улыбкой пробуя ее на вкус. Я даже не могла начать описывать свое негодование. Это был даже не его первый или второй раз. Каждый раз, когда я готовила для него лекарство, он находил какой-нибудь предлог, чтобы

позволить мне выпить большую его часть. Пока я смотрела, он положил руку на одно колено, сидя в кресле, и время от времени беззаботно постукивал пальцами.

Чем больше я наблюдала, тем больше раздражалась...

И все же его ресницы дрожали, по лицу было видно, что он в очень хорошем настроении. Я не могла вынести отчитывать его. Остановив движение кисти, я причмокнула губами. Вкус лекарства был не так уж плох. Несмотря на то, что он имел вкус типичного рецепта, он не был таким уж горьким, хотя после того, как я проглотила его, в горле появилось вяжущее ощущение. Говорят, хорошее лекарство горькое на вкус, так что, как я поняла... причина, по которой ему не становилось лучше, заключалась в том, что он избегал горьких лекарств, поэтому они не могли вылечить его болезнь.

А?

Что это тряслось в его мантии?

Мне стало любопытно, и я вытянула шею, подняв кисть в воздух, чтобы взглянуть. Он, кажется, тоже это почувствовал, проследив за моим взглядом на его мантию. Белые одежды взметнулись, открывая черную внутреннюю мантию, после его из ее глубины выглянул бумажный журавлик, его крылья живо трепетали. Только рука Фан Хуа, прижатая к нему, удерживала его от отлета.

“Что это за штука такая?” - мои глаза заблестели, когда я отложила кисточку, готовая обойти стол, чтобы посмотреть.

“О чем ты говоришь?” - Фан Хуа поднял на меня глаза. Я не была уверена, сделал ли он это нарочно, но одно нажатие его пальца отправило бумажного журавлика вниз. Я испуганно вскрикнула и бросилась туда, опустившись на колени, чтобы проверить журавлика. Ему не повезло приземлиться в одну из грязных луж, оставшихся после дождя. Все его тело, кажется, было сделано из какой-то пожелтевшей бумаги, словно бы было сложено из какого-то талисмана. На бумаге были даже следы киновари, хотя вода пропитала и растворила ее насквозь. Может ли бумажный журавлик на самом деле летать сам по себе? Неужели мне что-то померещилось?

“Почему ты уронил его на землю?”

“Я этого не делал”. - он немного беспомощно сидел на своем стуле, выглядя так, как будто я обидела его.

Я хотела выловить бумажного журавлика, но он вдруг встал. Отставив миску в сторону, он тоже поднял меня: “Он испачкался, не поднимай его. Давай посмотрим, как продвигается твоя картина...”

Таким образом, он оттащил меня прочь.

Бумаги на столе затрепетали на ветру. К счастью, чернильный камень удерживал их на месте. Он подошел ближе и приготовился увидеть рисунок, который я сделала.

“Это... я еще не закончила”. - крикнула я, рефлекторно протягивая руку, чтобы остановить его. Он улыбнулся, бросив на меня кокетливый взгляд. Это удивило меня настолько, что я онемела и позволила ему оттолкнуть мою руку в сторону. Толстые линии чернил сложились в силуэт...

Его улыбка исчезла, когда он поднял глаза и тихо сказал: “Цзычуань, не так ли?” Прежде чем я успела ответить, он осторожно сел, тихонько ощупывая бумагу рукой. “Это наполнено грацией”.

Вот как...

Но я все еще думала, что в нем чего-то не хватает. Он уставился на рисунок, а я, не мигая, смотрела на него. Это элегантное лицо было нежным и изнеженным, но линия бровей была твердой и непреклонной. Когда подобный человек влюбляется в кого-то другого, он, вероятно, обожает его всю свою жизнь, защищая эту любовь даже до смерти...

Он посмотрел на меня, и я поспешно опустила голову, чтобы отряхнуть пыль с одежды. Последовавший за этим смех казался немного натянутым, а его взгляд казался необычайно глубоким: “Новичок в рисовании может изобразить общие формы, позже он освоит суть”.

Удивленная, я перестала чистить одежду, чтобы посмотреть на него. Трудно было разглядеть выражение его лица. Я следовала его репликам, подражая его тону, легкому и непринужденному, когда заговорила: “...и опытный художник может изобразить душу”.

Он казался ошеломленным, когда смотрел на меня, но не смог удержаться от улыбки: “Ты не можешь вспомнить события, но ты так ясно помнишь эту фразу”.

“Эй, это правда звучит знакомо. Мой мозг просто выдал эту фразу сам по себе, хотя я не уверена, откуда я ее услышала”. - сказала я, немного смущенная.

Он больше ничего не сказал, но поправил рукава, прежде чем взяться за кисть своими тонкими руками. Обмакнув ее в чернила, он добавил несколько штрихов к бровям Хань Цзычуаня на картине. Всего несколько простых движений... и мне показалось, что фигура ожила на бумаге, отчетливая и четкая. Я подошла, чтобы взглянуть.

“Если бы это было мое изображение...” - его высокая, стройная фигура остановила движения кисти, чтобы подарить мне страдальческий взгляд: “В нем было бы три духа”.

Я хранила молчание. Почему он снова сваливает все на меня? Он рассмеялся, небрежно отбрасывая кисть за спину: “Пойдем, я отведу тебя в одно место”.

Даже когда мое тело откинулось назад, меня потянуло вперед, ноги неслись за ним. Я не могла удержаться, чтобы не оглянуться назад: “Ты каждый день съедаешь капустных листьев на несколько медных монет, и все же ты выбросил кисть, стоящую чистого серебра, т-т-ты...”

Он посмотрел на меня, и я молча опустила голову. Его пальцы были ледяными, они крепко

сжимали мои, словно бы никогда не отпускали.

“Куда ты меня ведешь? Я уже сказала, я не буду рубить никаких дров.”

Он ничего не говорил, но его губы изогнулись, что делало его особенно красивым. Мое сердце бешено забилося, когда я украдкой бросила еще один взгляд. Его зрачки были подобны янтарию, такие прозрачные и безмятежные. Он улыбнулся мне, и его глаза изогнулись в ответ, контрастируя с уникальным цветом его лица и темно-красной родинкой. Эта красота придавала ему неожиданно кокетливый вид. Этого было достаточно, чтобы оглушить меня до потери сознания. Таким образом, я молчала, пока он тянул меня за собой, и послушно следовала за ним.

“...мы здесь”. - произнес он, сильнее сжимая мою руку.

Ах... где мы находились?

Фан Хуа был очень загадочным, когда взял меня с собой, поэтому я думала, что мы окажемся в каком-нибудь редком и странном месте. Но я была сильно разочарована. Может кто-нибудь сказать мне, где я была?

По периметру дома, независимо от того, были ли это здания или бамбук, везде, куда бы ни пошел Фан Хуа, было полно буйной растительной жизни и аромата цветов. Кажется, что только этот участок земли был голым, что само по себе впечатляло.

Я продолжала стоять в шоке.

Он повернул голову, чтобы улыбнуться мне, и я могла только глупо улыбнуться в ответ. Он поднял свой рукав, чтобы поправить мой собственный, отчего мое лицо покраснело. Я поспешно прикрылась, сдерживая дыхание, когда уставилась на него. “Что ты делаешь?”

Разве он не был болен? Почему он был таким сильным?

“Ты наконец-то пришла в себя. Когда я отдалялся, ты так со мной не обращалась. Не говоря уже о том, что... похоже, это сработало.” - он снова улыбнулся, когда заговорил со мной: “Посмотри, что я сделал, ты считаешь, это место красивое?”

На что там было смотреть?

“Если можно назвать заброшенное поле красивым”. - я втянула воздух, немного противореча своей совести: “Вон те засохшие ветви прекрасны”.

Он рассмеялся, как старший, потешающийся над непослушным ребенком. Я снова потерялась в его красоте, но это заняло всего секунду, прежде чем я пришла в себя. Зачем он привел меня сюда? Эта пустошь на краю света лучше всего подходила для грабежей и убийств...

“Ты когда-нибудь думала...” - донесся голос, и он внезапно оказался рядом со мной плечом к плечу, глядя вдаль. Его взгляд был отчасти тоскующим, но в основном огорченным, оставляя лишь намек на его обычную нежность, чтобы опьянить зрителя. Его голос был таким тихим, что я едва могла его слышать: “Остаться на всю оставшуюся жизнь с человеком, которого ты любишь, и никогда не покидать его?”

Проклятия, поэтому он привел меня сюда, чтобы поговорить о жизни. В этом была глубина, так что я могла это оценить.

“Я никогда об этом не думала”. - сказала я прямо.

Человек, которого ты любишь? Он говорил о Хань Цзычуане? Он мог считаться только моим мужем, но если бы я осталась с ним на всю оставшуюся жизнь, разве это не было бы...?

Мой разум немедленно представил толпу евнухов, склоняющихся перед моей кроватью, и кормилицу с мрачным лицом, заставив мое сердце затрепетать. Старение с императором было сродни старению с целой толпой других людей.

Как ужасно.

Его пристальный взгляд скользнул по мне, продолжая улыбаться: “Я думал об этом не раз. Если бы я мог провести остаток своей жизни с человеком, которого я люблю, ни один из нас не покинул бы другого... разве это не было бы здорово?”

Я была ошеломлена. Он слегка приподнял голову, чтобы поймать солнечный свет, пробивающийся сквозь листву над нами. “Через жизнь и смерть, вместе в счастье. Две руки, сцепленные как одна, вместе до самой старости”.

Его белые одежды и черные как смоль волосы в сочетании придавали ему нежный и кроткий вид. Безмятежность, окружавшая его, была подобна той, что окружает новорожденного младенца, и золотой свет, казалось, исходил от кончиков его бровей. Повернув голову, чтобы посмотреть на меня, он показал редкую и нежную улыбку: “Если бы действительно существовала загробная жизнь, как это было бы замечательно”. Печаль, которую он проявил в тот момент, казалось, душила меня.

“Если ты так сильно его любишь, почему тогда покинул его ?”

Он сделал паузу, неторопливо глядя на меня и моргая. Затем он озорно улыбнулся: “В мире есть много вещей, которые мы не можем определить, и много трудностей, о которых мы не хотим говорить... совсем как ты”. - звонко смеясь, он погладил меня по щеке, его пальцы скользнули по коже, когда он сосредоточился на мне: “Я не виню тебя за твои слова или что-то, что ты сделала, потому что у тебя тоже есть трудности, о которых ты не можешь рассказать”.

Намекал ли он на то, что произошло между нами троими в прошлом? Мои мысли начали

блуждать.

“Недостаточно просто видеть поверхность многих вещей. Точно так же, как это место. Сейчас это выглядит как пустошь, но ее также можно наполнить красотой, редко встречающейся в мире”. - он медленно двинулся вперед, белоснежные одежды развевались, когда он отщипнул засохшую ветку. Закрыв глаза, он вдохнул запах ветвей, от движения его черные волосы рассыпались каскадом, как текущая вода. Видеть, как его талия и шея подчеркивают образ, было так прекрасно, что я забыла, как дышать.

И все же в одно мгновение ветка расцвела в полную силу.

Мои глаза расширились. Это был какой-то магический трюк?!

Как он это сделал?

Он поднял рукава, открыв ладони, чтобы показать обилие цветущих персиков. Его губы изогнулись в улыбке, когда он заговорил: “Цветок цветет недолго, его жизнь - приятное путешествие. Юность(1) может расцвести только на мгновение в течение одной жизни и только для одного человека”.

Дул легкий ветерок, разбрасывая цветы персика по небу, как дождь. По всем горам и равнинам цветы персика источали свой сладкий, опьяняющий аромат.

Я была ошеломлена.

Он взглянул на меня, эта мягкая элегантность была наполнена чарующим очарованием. Его глаза слегка прикрылись, когда он улыбнулся с несравненной утонченностью. Это было похоже на вспышку видения, уносимого ветром, которое пришло и ушло без следа. Тот, кто увидел это первым, мог заявить, что это его собственное...

Долгое время спустя я всегда буду помнить выражение его лица среди разных цветов. Хотя он улыбался, почему мне было так грустно? Он, должно быть, любил по-настоящему...

Юность проходит в одно мгновение и расцветает только для одного человека.

Он был Фан Хуа, но кто был тем человеком, которого он не мог забыть? Был ли это Хань Цзычуань, глубоко во дворце? Мое сердце дрогнуло, внезапно наполнившись болью. У него не должно было быть такого одинокого выражения лица, такого тихого среди цветов. Что он хотел сказать мне, приведя нас сюда...?

“Фан Хуа, ты действительно не обижаешься на меня за то, что я украли императора?”

Когда мы возвращались от цветущих персиковых деревьев, я продолжала спрашивать его.

“Я не знаю”. - последовал прямой ответ.

Я схватила его за мантию с угрюмым выражением лица, полным недоверия. Он удивленно обернулся, бросив на меня странный взгляд. Но он больше ничего не сказал, а вместо этого изобразил легкую улыбку. Мой взгляд стал жалобным. Он опустил руку мне на плечи и со вздохом мягко заключил меня в свои объятия.

“Ты не понимаешь? Я не обижаюсь на тебя. На самом деле, сейчас я очень счастлив”.

Мой нос наполнился ароматом цветов и его слабым, затяжным запахом лекарств. В его теплых объятиях, какими бы неприличными они ни были, я чувствовала себя очень комфортно. Я слышала, как люди говорили, что я раньше служила ему во дворце, так что мы, должно быть, были близки. Несмотря на это, я все еще не понимала его...

Я нахмурилась. Уткнувшись в его грудь, вдыхая его характерный запах, мне казалось, что он может исчезнуть в любой момент. Мои руки воспользовались шансом крепче обхватить его, вцепившись в скользкий атлас его одежды, чтобы сдержать тревожные чувства, всколыхнувшие мое сердце.

Бояться было нечего.

У меня все еще было достаточно времени, чтобы разгадать загадку этого человека по имени Фан Хуа.

(1) fang hua (芳華) - фан хуа, слово, используемое здесь для обозначения юности, - это те же иероглифы, что и в имени Фан Хуа.

<http://tl.rulate.ru/book/80096/2733299>